

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ**

ФІЛОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІ

КВАЛІФІКАЦІЙНА РОБОТА МАГІСТРА

**РЕЦЕПЦІЯ ТРАВМИ У ЗБІРЦІ МАЛОЇ ПРОЗИ НАРИНЕ АБГАРЯН
“ДАЛЬШЕ ЖИТЬ”**

(РЕЦЕПЦІЯ ТРАВМИ В СБОРНИКЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ НАРИНЭ АБГАРЯН
“ДАЛЬШЕ ЖИТЬ”)

Виконала: студентка 2 курсу, гр. 8.0350-р/з спеціальності 035 “Філологія”, спеціалізації 035.034 “Слов’янські мови та літератури (переклад включно), перша – російська”, освітньої програми “Російська мова і зарубіжна література. Друга мова”

_____ В.О. Васильченко

Керівник _____ проф. І.Я. Павленко

Рецензент _____ доц. О.В. Темна

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Факультет філологічний

Кафедра слов'янської філології

Освітній рівень магістр

Спеціальність 035 “Філологія”

Спеціалізація 035.034 “Слов'янські мови та літератури (переклад включно),
перша – російська”

Освітня програма “ Російська мова і зарубіжна література. Друга мова”

ЗАТВЕРДЖУЮ

Завідувач кафедри

Павленко І.Я.

“ ____ ” _____ 2021 року

З А В Д А Н Н Я
НА КВАЛІФІКАЦІЙНУ РОБОТУ МАГІСТРА

Васильченко Вікторії Олексіївни

1. Тема роботи: *Рецепция травмы в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”*,

керівник роботи - док. філ. н., проф. Павленко І.Я.

затверджені наказом ЗНУ від “02” червня 2021 року № 808-с

2. Строк подання студентом роботи – 10.11.2021

3. Вихідні дані до роботи: *текст сборника малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”, научны работы, монографии и статьи, посвящённые проблемам травмы и памяти, литературоведческие словари.*

4. Зміст розрахунково-пояснювальної записки:

1) *Проанализировать подходы к проблеме травмы в современном гуманитарном дискурсе.*

2) *Выявить специфику студий травмы в литературоведческом дискурсе.*

3) *Охарактеризовать факторы, повлиявшие на характер рецепции травмы в анализируемом сборнике.*

4) *Обозначить индивидуально-авторское видение травмы и охарактеризовать характер ее рецепции на разных структурных уровнях сборника.*

5. Перелік графічного матеріалу : _____

6. Консультанти розділів роботи

Розділ	Прізвище, ініціали та посада консультанта	Підпис, дата	
		завдання видав	завдання прийняв
1	Павленко І.Я., професор		
2	Павленко І.Я., професор		
3	Павленко І.Я., професор		
Введение, выводы	Павленко І.Я., професор		

6. Дата видачі завдання 01.10.2020 р.

КАЛЕНДАРНИЙ ПЛАН

№ з/п	Назви етапів написання кваліфікаційної роботи	Строк виконання етапів роботи	Примітка
1	Збір та систематизація матеріалу	Листопад-грудень 2020 р.	
2	Аналіз науково-критичної літератури з обраної проблеми	Січень-березень 2021 г.	
3	<i>Вступ</i>	Квітень 2021 г.	
4	Розділ 1. <i>Травма в современном гуманитарном дискурсе.</i>	Травень-червень 2021 г.	
5	Розділ 2. <i>Травма коллективная и личная: исторические события и судьба обычного человека в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.</i>	Липень-серпень 2021 г.	
6	Розділ 3. <i>Особенности обращения к коллективным и индивидуальным проявлениям травмы: структурный и нарративный уровни.</i>	Вересень 2021 г.	
7	Висновки	Жовтень 2021 г.	
8	Оформлення роботи	Листопад 2021 г.	
9	Захист	Грудень 2021 г.	

Студентка _____ В.О. Васильченко
(підпис) (прізвище та ініціали)

Керівник роботи _____ І.Я.Павленко
(підпис) (прізвище та ініціали)

Нормоконтроль пройдено.

Нормоконтролер _____ Н.В.Козленко
(підпис) (прізвище та ініціали)

РЕФЕРАТ

Текст квалификационной работы магистра 45 страниц, 43 источника.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ – сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ – художественное осмысление многообразного проявления травмы в сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ – проанализировать специфику художественной рецепции травмы в сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”. В ходе исследования предполагается решить следующие

ЗАДАЧИ:

1. Проанализировать подходы к проблеме травмы в современном гуманитарном дискурсе.
2. Выявить специфику студий травмы в литературоведческом дискурсе.
3. Охарактеризовать факторы, повлиявшие на характер рецепции травмы в анализируемом сборнике.
4. Обозначить индивидуально-авторское видение травмы и охарактеризовать характер ее рецепции на разных структурных уровнях сборника.

АКТУАЛЬНОСТЬ работы состоит в необходимости изучения проблемы травмы и путей её решения в современной художественной литературе. Травма – проблема глобальная и вневременная, а её исследование – средство освоения исторической, культурной памяти и постпамяти; способ найти ответы на широкий круг гуманитарно-этических вопросов.

НОВИЗНА работы состоит в новизне объекта анализа. Сборник Наринэ Абгарян “Дальше жить” не успел стать предметом литературно-критической рефлексии.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ – дескриптивный.

ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ: материалы работы могут быть использованы при изучении проблемы травмы в художественной литературе, на практических занятиях по современной военной и исторической прозе и на занятиях, посвященных проблеме травмы в произведениях.

АПРОБАЦИЯ: некоторые положения работы были опубликованы и представлены на Всеукраинской научной конференции «Запорізькі філологічні читання», которая состоялась 11-12 ноября 2021 года.

СТРУКТУРА РАБОТЫ: работа состоит из введения, трёх разделов, вывода и списка использованной литературы.

**ТРАВМА, ПАМЯТЬ, ТРАВМАТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, РЕЦЕПЦИЯ
ТРАВМЫ**

ABSTRACT

The text of the master's work consists of 45 pages, 43 sources.

The object of the research is collection of flash fictions “Дальше жить” written by Narine Abgaryan.

SUBJECT OF RESEARCH is artistic comprehension of trauma in Narine Abgaryan’s collection of flash fictions “Дальше жить”.

The purpose is to analyze the specifics of artistic perception of trauma in Narine Abgaryan’s collection of flash fictions “Дальше жить”.

In the course of the study, the following **TASKS** are supposed to be solved:

- analyze approaches to the problem of trauma in modern humanitarian discourse.
- reveal the specifics of trauma studios in literary discourse.
- describe the factors that influenced the nature of the reception of trauma in the collection of flash fictions “Дальше жить”.
- designate the individual author's vision of trauma and characterize the nature of its reception at different structural levels of the collection.

METHODS OF RESEARCH: descriptive.

THE SCIENTIFIC NOVELTY consists in the novelty of the object of analysis. Narine Abgaryan's collection “Дальше жить” has not become fully as the subject of literary-critical reflection.

SCOPE – materials of the research can be used in the study of the problem of trauma in fictions and literature, at practical classes on modern military and historical prose.

TRAUMA, MEMORY, TRAUMATIC MEMORY, RECEPTION OF TRAUMA

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ 1. ТРАВМА В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ:.....	14
РАЗДЕЛ 2. ТРАВМА КОЛЛЕКТИВНАЯ И ЛИЧНАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СУДЬБА ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ НАРИНЭ АБГРЯН “ДАЛЬШЕ ЖИТЬ”.....	21
2.1. Конфликт в Нагорном Карабахе и его влияние на личность и творчество Наринэ Абгарян.....	22
2.2. “Ладонь, испещренная ломаными линиями жизни и смерти”: послевоенный мир в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.....	26
2.3. Травма-Время-Память: лингвокультурный дискурс в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.....	28
РАЗДЕЛ 3. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ К КОЛЛЕКТИВНЫМ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ ТРАВМЫ: СТРУКТУРНЫЙ И НАРРАТИВНЫЙ УРОВНИ.....	31
3.1. Роль жанровой и структурной организации в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.....	31
3.2. Персонажный уровень и художественный конфликт: личные травмы героев малой прозы Наринэ Абгарян.....	36
3.3. Характер нарративизации как способ психологического анализа в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.....	40
ВЫВОДЫ.....	43
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Trauma Studies как одно из продуктивных направлений гуманитаристики начинают формироваться в последние десятилетия прошлого века на основании актуальных и сегодня студий памяти. Теория травмы — область междисциплинарная. Её разработкой занимается широкий круг наук: культурология, философия, социология, антропология, история, психология. В последнее время все больше внимания уделяется травме в филологии: исследуются проявления травматического опыта в языке и речи, рецепция коллективной травмы в фольклоре и, естественно, в литературе. Студии травмы в литературоведении обусловлены несколькими факторами, среди которых, в первую очередь, следует отметить травмагенность XX – XXI столетий и постоянное обращение художественной литературы к вопросам истории и судьбы обычного человека в водовороте большой истории. Художественная, следовательно, и литературно-критическая рецепция травмы ориентированы как на историю практически всего двадцатого века, так и на явления постсоветского периода, в частности на травмагенность межнациональных отношений, перерастающую в вооруженные конфликты и войны. В то же время, современная литература человекоцентрична, а потому обращена ко всему, что определяет жизнь, поведение, переживание личности, следовательно, травма — один из частых предметов художественной рефлексии, что и мотивирует апелляцию к ней литературоведения. Кроме того, размышлениям о причинах и последствиях травмы посвящены не только научные исследования, но и публицистические работы, творчество писателей разных стран и национальностей.

В научном дискурсе выделяют разные виды травм: физическую, психическую, психологическую, культурную, историческую, национальную, индивидуальную, коллективную и т.д. Однако на быденном уровне, как правило, более известны и понятны физическая и психологическая травмы. Физическая травма — “нарушение анатомической целостности или

физиологических функций органов и тканей тела человека” [27]. Психологическая травма — “вред, нанесенный психическому здоровью человека в результате интенсивного воздействия неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику” [26]. Думается, что такая тенденция связана с популяризацией психологии (так называемой поп-психологии), психоанализа и нейронаук, с одной стороны, и вниманием каждого человека к вопросам, которые прежде всего волнуют его, и к проблемам, с которыми он сталкивается в обыденной жизни. Статистика показывает, что в последние годы в обществе повысился интерес не только к физическому здоровью, но и психологическому. Люди всё чаще прибегают к услугам психолога для решения жизненных проблем, возникшим, в том числе, и в следствие психологической травмы.

Современное общество все больше осознаёт хрупкость своего существования, обращает внимание не только на обыденные, но и на экзистенциальные проблемы, большое внимание уделяет осмыслению прошлого и настоящего, влияния прошедших событий на настоящее и будущее, отголоскам истории в судьбе общества, нации, коллектива и частного человека. Одним из центральных мотивов современного информационного поля, активно создаваемого средствами массовой информации, интернетом становится катастрофизм настоящего и акцентация травмогенных эпох истории, потому не случайно и массовое внимание к вопросам травмы и многомерности, многовекторности ее проявления. Травма становится предметом исследования как отдельных отраслей науки, так и междисциплинарных исследований.

В русле изучения особенностей литературно-художественной рефлексии травмы значим тот факт, что в междисциплинарном дискурсе давно говорится о травме не только как об одновременном событии, но и как о явлении процессуальном, поскольку она

- Неблагоприятно сказывается на качестве жизни людей, переживших травмообразующие события.

- Негативно воздействуя на психологическое (и/или психическое) состояние человека, приводит к различного рода психологическим проблемам, а в крайних случаях — к посттравматическим расстройствам.
- Нарушает привычную модель восприятия мира.
- Влияет на мироощущение, самоидентификацию последующих поколений и их представление о прошлом.

Литература часто выступает аккумулятором болезненного опыта, а автор — своего рода аналитиком травмы. Поэтому изучение литературных версий данной проблемы актуально в литературоведческих студиях, особенно имагологических и постколониальных. В целом литературоведение категория травмы интересует как объект индивидуального-авторской рецепции, и её задача состоит в том, чтобы интерпретировать специфику воплощения травмы и связанных с нею особенностей всех уровней художественного мира отдельного произведения.

Одна из основных тенденций современной прозы — переосмысление прошлого, его знаковых, переломных, травматических моментов. Обращение к истории современными авторами объясняется одним из ключевых положений социокультурного исследования Алейды Ассман: “зміна поколінь відіграє важливу роль для оновлення суспільної пам’яті, особливо значущу для більш пізнього опрацювання травматичних чи стидких згадок” [3].

Прослеживается эта тенденция и в книге писательницы Наринэ Абгарян *“Дальше жить”* (подзаголовок *“Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто нет”*) — сборник малой прозы, изданный в 2018 году.

Наринэ Юрьевна Абгарян (род. 14 января 1971) — русская писательница армянского происхождения, автор повести *“Манюня”* (2010 год), романа *“Манюня пишет фантастический роман”* (2011 год), романа *“Понаехавшая”* (2011 год), романа *“Манюня, юбилей Ба и прочие треволения”* (2012 год), повести *“Семён Андрееч. Летопись в каракулях”* (2012 год), сборника рассказов *“Девять дней в июле”* (2012 год), романа

“Люди, которые всегда со мной” (2014 год), сказки “Великан, который мечтал играть на скрипке” (2014 год), романа “С неба упали три яблока” (2015 год), повести “Счастье Муры” (2015 год), сборника рассказов “Двойная радуга” (2015 год), сказочной повести “Шоколадный дедушка” (написано в соавторстве с Валентином Постниковым, 2016 год), сборника историй и рассказов “О любви” (2016 год), сборника рассказов “Зулали” (2016 год), сборника малой прозы “Дальше жить” (2018 год), романа “Симон” (2021 год). Её творчество отмечено рядом престижных премий и наград. Писательница — лауреат Российской национальной литературной премии “Рукопись Года” в номинации “Язык” (2010), номинант премии “Большая книга” (2011), лауреат премии “Ясная Поляна” (2016).

Данное исследование — попытка рассмотреть сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить” в контексте дискурса травмы. Посттравматическая жизнь — центральная тема сборника, а травма — основная проблема, с которой сталкиваются герои исследуемых произведений и осознание, изображение и преодоление которой является ключевой задачей писательницы. Сборник — результат индивидуально-авторской рецепции травматического прошлого Армении и Азербайджана — Нагорно-Карабахского конфликта 1988-1994 гг. Наринэ Абгарян имеет армянские корни, непосредственное отношение и отчётливое представление о военных действиях и их последствиях, а также лично знакома со свидетелями войны и их потомками.

Когда читаешь сборник “Дальше жить”, вспоминаются слова романиста Мари-Анри Бейль Стендаля: “Роман — это зеркало, с которым идёшь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы. Идёт человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало!” [28]. Книга “Дальше жить”, изданная издательством АСТ, сопровождается рядом черно-белых иллюстраций художницы, младшей сестры Наринэ Абгарян — Соны Абгарян ставшими формой визуализации

вербального текста, способом усиления экспрессии и постоянной акцентуации на травмогенности войны и драматизме судеб каждого, попавшего в вихрь безжалостных событий совсем недавней истории. Иллюстрации делают акцент на главных деталях, тем самым расширяя смысловое поле книги, помогают читателям приблизиться к пониманию замысла писательницы и самым естественным образом входят в художественный мир сборника, расширяя его смыслы. Фактически, в издании обращает на себя внимание мультимодальность художественной рефлексии. Концептуально значим тот факт, что писательница и художница — родные сестры, следовательно, и биографически, и интеллектуально, и эмоционально близкие люди, одновременно пережившие травмогенные события трагической новейшей истории Нагорного Карабаха и интерпретировавшие их и их последствия в разных видах искусства. Однако в предлагаемом исследовании к приему визуализации будем обращаться лишь в случае необходимости, фокусируя внимание на вербальной составляющей текст.

Одна из иллюстраций выглядит следующим образом (“Возвращение”): на боковом зеркале машины, отображающий задний вид, написана фраза, которая чем-то созвучна со словами французского писателя, и которая в целом метко характеризует смысловой посыл сборника: *Objects in mirror are closer than they appear* (рус. Объекты в зеркале ближе чем кажутся). Обращает внимание тот факт, что на иллюстрации в фокусе внимание как то, что осталось позади, так и то, что находится перед зеркалом. Это горы в разной перспективе, увиденные из машины, движущейся без видимой дороги неизвестно куда. Фокусировка зрения интересна и тем, как на рисунке сфокусировано видение пространства: это зеркало заднего вида (что определяется по изображению машины), но смотрящий в зеркало находится за ним. Возникает впечатление параллельности зеркала и зазеркалья, прошлого и возможного будущего, различных проекций и способов восприятия действительности.

Книга Наринэ Абгарян и есть то самое зеркало, которое отображает ужасную, катастрофическую правду: война, и как следствие — травма, неизменная трагическая составляющая истории человечества, в том числе и современности.

Объект исследования — сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

Предмет исследования — художественное осмысление травмы в сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

Цель исследования — проанализировать специфику рецепции травмы в сборник малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”. В ходе исследования предполагается решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать подходы к проблеме травмы в современном гуманитарном дискурсе.
2. Выявить специфику студий травмы в литературоведческом дискурсе.
3. Охарактеризовать факторы, повлиявшие на характер рецепции травмы в анализируемом сборнике.

4. Обозначить индивидуально-авторское видение травмы и охарактеризовать характер ее рецепции на разных структурных уровнях сборника.

Актуальность работы состоит в необходимости изучения проблемы травмы и путей её решения в современной художественной литературе. Травма — проблема глобальная, общечеловеческая, вневременная, а её исследование — средство освоения памяти и постпамяти; способ найти ответы на широкий круг гуманно-этических вопросов.

Новизна работы состоит в новизне объекта анализа. Сборник Наринэ Абгарян “Дальше жить” не успел стать предметом литературно-критической рефлексии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы работы могут быть использованы при изучении проблемы травмы в художественной литературе, на практических занятиях по современной, военной и исторической прозе и на занятиях, посвященных проблеме травмы в произведениях современных авторов.

Некоторые положения работы апробированы в докладе “След войны: особенности структурной организации сборника малой прозы Наринэ Абгарян “Дальше жить”” на Всеукраинской научной конференции “Запорізькі філологічні читання”, которая состоялась 11-12 ноября 2021 года. Тезисы доклада приняты к печати и будут опубликованы в сборнике материалов этой конференции.

Работа состоит из введения, трёх разделов, вывода и списка использованной литературы.

РАЗДЕЛ 1.

ТРАВМА В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Мировая история сопровождается событиями, которые имели травматический эффект. Травма, в различных её вариациях, — закономерное следствие трагических событий исторического прошлого и современности таких как: война, геноцид, революцией, оккупация, катастрофа, стихийное бедствие и т.д. В современном научном дискурсе проблема травмы давно вышла за рамки медицины, где она рассматривается с точки зрения физиологии и психологии, и вошла в сферу междисциплинарных исследований, оставаясь в то же время одним из объектов различных дисциплин, таких как психология и социальная психология, психиатрия, социальная история, философия, конфликтология, этнология, филология и т.д. Индивидуальная и коллективная травма и способы её презентации в культуре стали одним из основных объектов исследования в таком международном междисциплинарном дискурсе, как студии памяти (Memory Studies [11]), и основным объектом студии травмы (Trauma Studies).

Это новое междисциплинарное исследовательское поле (Trauma Studies), сформировалось в 80-90-х годах XX века. Точкой отчета можно считать 1980 год, когда Американская психиатрическая ассоциация официально признала посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [6].

На данном этапе разработкой проблемы травмы занимается большое количество исследователей: А. Асман [4], К.Т. Эриксон (культурология); Е. Рождественская [24], Е. Трубина и П. Штомпка [34] (социология), С. Ушакин [30], О. Бартов [18], Дж. Митчелл [42] (антропология), Э. Сантнера, Д. ЛаКапра, К. Мерридейл (история), М. Липовецкий [16], М. Эпштейн [14] , К. Карут [39] (филология) и др. Кроме того, размышлениям о причинах и последствиях травм посвящены не только

научные исследования, но и публикации в средствах массовой информации, произведениях современных деятелей искусства.

Естественно, что предметом научной рефлексии часто становятся произведения писателей разных эпох, стран и национальностей, в которых изображены травмогенные события и/или их влияние на человека, коллективы, нации. Интерес к способам и характеру рецепции травмы в литературе в значительной степени обусловлен ее антропоцентризмом и вниманием не только к событиям общественной жизни, но и к внутреннему миру и ментальности человека и/или нации, детерминированности мировосприятия, характера мышления, поступков историческими событиями, средой, внешними обстоятельствами. Отсюда и уникальные возможности литературы в области вербализации травмогенных явлений действительности, травмы и посттравматического синдрома.

Теория травмы в гуманитарной сфере берет свое начало в теории психоанализа Зигмунда Фрейда, обозначив векторы дальнейших исследований Trauma Studies. Психолог исследовал феномен травмы пытаясь лечить и восстанавливать разрушенную психику людей, прошедших через фронты Первой Мировой войны или перенесших тяжёлые потрясения в связи с военными событиями, смертями и мучениями близких. Он обратил внимание и на то, что тяжёлые расстройства психики были связаны и с детскими впечатлениями и переживанием. На основе собранных им свидетельств, зафиксированных и проанализированных, была написана книга «По ту сторону принципа удовольствия» [31]). С точки зрения учёного, травма — это сильное эмоциональное переживание, которое приводит к изменению психики, к депрессивным состояниям, и, что самое главное в теории немецкого ученого, — к неврозу. Зигмунд Фрейд считал, что травма нарушает механизмы психической защиты человека от внешних возбудителей. Именно благодаря научным разработкам Фрейда, который определил травму как некий диссонирующий фактор, и на сегодняшний день

травму рассматривают как кризис, разрушающий устоявшиеся нарративы и, главное, сложившуюся или складывающуюся личностную картину мира.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия исследователей интересует проблема влияния травмы на развитие и функционирование не только отдельной личности, но и различного рода коллективов (общества, народа, нации), а также проблема преодоления личностной и коллективной травмы.

Травма рассматривается с учетом природы человеческой памяти. Травма — событие стрессовое, по своей природе дисгармонирующее, имеющее свойство забываться, трансформироваться, искажаться в памяти людей. А поэтому в социо-гуманитарном дискурсе возникает понятие травматической памяти, “витоки якої криються в певному жахливому досвіді; найчастіше вона є особливо виразною, нав’язливою, неконтрольованою, стійкою та соматично-проявленою” [41]. Травмированная память является результатом постоянной коммеморации, возобновления в сознании пережитых негативных эмоций” [43].

Проанализировав степень изученности вопроса памяти украинский историк и антрополог Оксана Кись подчеркивает, что “вплив травми робить процес збереження у пам’яті та забування значно складнішим, ніж зазвичай; особи, які пережили травму є більш схильними виражати себе через історії, що містять певні домисли, фрагментовані та розрізнені спогади, наповнені символізмом. Це, вочевидь, робить розуміння та аналіз таких історій складним та проблематичним” [12].

В связи с особенностью человеческой памяти и травматической памяти, в частности, историческое травматическое прошлое часто мифологизируется обществом, а со временем может и вовсе концептуализироваться, находя свое выражение в готовых мыслительных образах, стоящих за языковыми знаками. Те или иные аксиологические доминанты отслеживаются при анализе языка, а именно языковых концептов — понятий, наделенных коллективами специфическими чертами в следствие уникальных истерического, общественного и культурного опытов.

Поскольку теория травмы — область междисциплинарная, определения и концепции травмы могут варьироваться в зависимости от предмета и объекта, целей и задач научной сферы. В целом выделяют следующие *виды (концепции) травм*:

1. *Психическая травма* — повреждения (кем-то или чем-то) психики индивида, приводящие к заметному нарушению ее нормального функционирования. Чаще всего это связано с временным или постоянным ограничением, или потерей трудоспособности [14].

2. *Психологическая травма*, рассматриваемая в контексте индивидуального травматического опыта личности и воспоминаний о нём. В отличие от психической травмы она не сопровождается отклонениями в психике, а потому у человека остаются возможности быть адекватным и успешно адаптироваться к среде [14].

3. *Коллективная травма* — психологическая травма, общая для определенного круга лиц — групп людей, объединённых по различным критериям, но пережившим единое психогенное воздействие.

4. *Историческая травма* — психологическая травма, возникшая в результате нанесения эмоционального вреда группе людей, социальной страте, народу (-ам), нескольким поколениям, объединенных одними историческими травмообразующими событиями.

5. *Культурная травма*, знание о которой детально разработана польским социологом Пертом Штомпки. Данный вид травмы, по определению ученого, возникает как реакция на экстраординарное (-ые) событие (-я), затрагивающие все сферы общественной жизни, которые, в свою очередь, влияют как на идентичность индивида, так и на самоидентификацию коллектива в целом. Культурная травма, как отмечает исследователь Василенко В.С., является собой “дискурсивну реакцію-відповідь на розрив соціальної, культурної тканин, неоднорідні психосоціальний феномен і культурне явище, коли ідентичність спільноти (зокрема, національної), уражена значною і до того ж значущою подією (геноцидом,

війною, революцією, окупацією, економічною кризою, політичним убивством, тероризмом тощо), зазнає непоправної кризи, а сама спільнота (нація) відчуває потребу в оновленні наративу про себе (“re-narration”), (само)відновленні та (само)репрезентації” [7]. О такой теоретической модели говорят многие современные учены. Например, профессор Департамента социологии Йельского университета Александер Джеффри: “Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность” [6]. Культурная травма тесно связана с явлением коллективной памяти, теория которой была разработана французским социологом Морисом Хальбваксом [32]. Учёный предполагал, что индивидуальная память не может существовать вне коллективной, а также считал, что культурная память играет важную роль в обеспечении межпоколенческой передачи значимых для группы знаний о прошлом, в том числе ценностных аксиологических. То есть культурная память лежит в основе идентичности, которая сохраняется и передается в процессе коммеморации событий последующими поколениями.

Поскольку травматические события зачастую объединяют большие коллективы, то изучающий травму должен учитывать тот факт, что различного рода социальные группы, общества, нации, народы формируют общее представление об историческом прошлом, в пределах которого формируется и функционирует индивидуальная память отдельных членов этих коллективов.

Другой вид памяти, который необходимо учитывать важный при изучении культурной травмы, — это коммуникативная память, разработанная в исследованиях историка религий и культур Яна Ассмана [5]. Согласно его концепции, коммуникативная память – “это память, которая формируется в процессе ежедневной коммуникации между всеми

участниками и тем самым демонстрирует их коллективную идентичность” [17]. Коммуникативная память со временем становится коллективной.

Учитывая специфику памяти человека, а также соотносимые, но не тождественные, концепции травмы, специалисты рассматривают данную травму в разных дискурсах. Например, Джули Ривкин, обобщая исследования специалистов в рамках Trauma Studies, отмечает следующие дискурсы травмы [29]:

1. *Системное насилие в повседневной жизни.*
2. *Отношение травмы к дискурсам национализма, империализма и политики.*
3. *Дискурс свидетельств Холокоста.*
4. *Рассказах женщин, переживших кровосмешение, жестокое обращение.*
5. *Постколониальные травмы.*
6. *В контексте расизма.*
7. *Травма и люди с ограниченными возможностями.*
8. *Литература ветеранов войны во Вьетнаме.*
9. *В контексте пола и сексуальности.*
10. *Травма и литература.*

Художественная литература живо реагирует на события истории, способна заимствовать, приспособливать и осмысливать события прошлого. В научной среде давно закрепилось понимание литературы как *места памяти* (определение Пьера Нора [19]). Так, Наталия Довганич отмечает, что «література визначається як чинник формування та передачі пам’яті про минуле» [8], называя её одной из форм существования *постпамяти* (определение Марианне Гирш [40]): «Література продукує конкурентні версії минулого, формує нарративні світи пам’яті, які не просто поглиблюють знання реципієнта про минуле, а передають зразки, кліше, конструкції для його сприйняття і відтворення» [8].

Автор, в процессе *рецепции травмы*, с помощью художественных образов, интерпретирует виденное, слышанное, с определёнными изменениями в силу различных факторов, повлиявших на восприятие. На наш взгляд, те или иные факторы, оказавшие влияние на характер рецепции травмы, необходимо рассматривать в индивидуальном порядке, учитывая автобиографию каждого отдельного писателя, с учетом исторического, культурного и других контекстов.

Современная художественная литература, главным образом проза, активно обращается к историческому прошлому. В ней накапливается болезненный опыт человечества, переломные, знаковые события, которые под призмой индивидуально-авторского видения приобретают новые смыслы. Они в свою очередь дают возможность посмотреть на проблему травмы с другого ракурса. Обращение к истории в целом, в том числе и современными авторами, можно объяснить одним из ключевых положений социокультурного исследования *Алейды Ассман*: “зміна поколінь відіграє важливу роль для оновлення суспільної пам’яті, особливо значущу для більш пізнього опрацювання травматичних чи стидких згадок” [4].

Думается, что сборник Наринэ Абгарян “Дальше жить” — ценный объект для исследования травмы. Ряду факторов, которые определенным образом обусловили специфику рецепции, посвящен следующий раздел исследования.

РАЗДЕЛ 2.

**ТРАВМА КОЛЛЕКТИВНАЯ И ЛИЧНАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОБЫТИЯ И СУДЬБА ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ
НАРИНЭ АБГРЯН “ДАЛЬШЕ ЖИТЬ”**

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

А. Твардовский

Изучение материалов, связанных с биографией и творчеством писательницы, ее публицистики и интервью с ней, и, в первую очередь, ее произведений, позволяют говорить о *факторах*, обусловивших ее интерес к травме и появления цикла художественных произведений и малой прозы non-fiction, вошедших в сборник “Дальше жить”, а именно:

1) Непосредственная связь писательницы с историческими событиями, которые стали травмообразующими в реальной жизни, а в результате индивидуально-авторской рефлексии — смыслопорождающими в исследуемом сборнике малой прозы.

2) Происхождение писательницы.

3) Временная дистанция между основными событиями, которые стали объектом рефлексии автора, и временем написания сборника.

4) Лингвокультурный дискурс.

Анализ этих факторов позволяет глубже изучить характер рецепции травмы. В основе сборника — рецепция относительно недавней трагической истории родных мест писательницы, характеристике которой посвящена первый подраздел главы.

2.1. Конфликт в Нагорном Карабахе и его влияние на личность и творчество Наринэ Абгарян

Знать о войне не то же, что жить в условиях войны. Знать о травме не то же, что пережить травму. И тут возникает вопрос: должен ли писатель затрагивать такие серьезные темы? Насколько осведомленным он должен быть? Должен ли лично столкнуться с войной? Вот что на этот счет думает сама писательница: “Тут, наверное, не имеет значения, застал ты войну или нет. Вы просто по-разному совершенно напишете о том, что калечит жизни и души людей. У каждого будет своя очень важная правда. Если вы считаете нужным написать о войне, значит, нужно о ней написать. Не имеет значения, застали вы её или просто читали о ней” [23].

В случае писательницей, война и как следствие травма — её личная трагедия. Семья Абгарян — жертва войны, так как она жила (а родители писательницы живут и до сих пор) в приграничном районе — месте частых обстрелов и бомбардировок. Живя в зоне конфликта Армении и Азербайджана, Наринэ Юрьевна была непосредственным очевидцем вооружённых событий, которые психологически травмировали большую часть мирных жителей, в том числе её близких родственников. Поэтому в сборнике есть автобиографические факты, наблюдения и впечатления. Значительную роль в осмыслении прошлого сыграли близкие людей, их рассказы и переживания.

Младшая сестра Наринэ Абгарян художница Сона Абгарян — прототип героини одного из произведений сборника (“Туманы”). В характеристике Пашоянц Соны нашли отражение реальные факты из жизни сестры: мать преподает в школе русский язык и литературу, отец работает врачом, у девушки есть три старшие сестры и младший брат (в реальной семье Абгарян четверо детей: Каринэ, Гаянэ, Наринэ, Сона и Айк). Она занимается живописью, чтобы побороть панические атаки — следствие пережитого в детстве события: “Взрыв раздается совсем рядом, под стенами

дома. Сону сметает в единственный безопасный угол комнаты. Она лежит на спине, обняв себя руками, а в воздухе кружатся лохмотья обугленных штор” [1]. Картины Соны, как реальной, так и вымышленной, отображают нарушенный травмой внутренний мир: “Пашоянц Сона рисует туманы своего детства. На ее картинах они пахнут одиночеством и тоской. Они не просто искажают пространство, а меняют его суть” [1]. Доминирующее настроение истории Наринэ Абгарян, как и рисунок сестры — результат переживаемой травмы и погруженность в неё. Изображенный туман — символ неизвестности, порождающий непонимание того, что происходит рядом, а, следовательно, и ощущение угрозы, незащищенности, тоску и одиночества. Концептуально и то, что туманы искажают пространство и меняют его суть, что тоже ведёт к невозможности ощущения защиты и возможности свободно двигаться вперёд. Через живопись героиня неосознанно старается воплотить и преодолеть травму, но в художественном времени рассказа ей это сделать не удастся. Но, судя по автопортрету Соны Абгарян, удалось в реальной жизни.

Важным стратегическим ходом является то, что история, основанная на автобиографической почве, размещена в конце сборника. Книга “Дальше жить” и так с первых страниц заинтересовывает читателя, даже не знающих фактов биографии писательницы. Однако, когда после прочтения почти всего сборника, который всё время держит в эмоциональном напряжении, узнаешь, что основные проблемы коснулись писателя лично, — доверяешь ему больше, сострадаешь сильнее, рефлекслируешь глубже.

Но не только история сестры, а и все истории сборника имеют фактическую основу: все герои имеют реальных прототипов. Причем некоторые люди до сих пор живут в Армении, в Берде — родном городе автора.

Неоднократно в интервью Наринэ Абгарян акцентировала внимание на том, что она никогда прежде, до создания сборника “Дальше жить”, и не думала писать о войне. Считала, что человек, который застал войну, не

способен написать о ней так, чтобы это было достаточно объективно. По её мнению, личный опыт мешает рассудительно оценивать события прошлого, тем более военного, так как у войны всегда есть два полюса, а значит — две пострадавшие стороны, две правды: “...безусловно, не хотелось бы уходить в дискурс на тему «кто правее» и у кого больше прав на тот же Карабах. Но с той войны прошло уже 25 лет, и она не утихла” [23]. Основная же причина, которая подвигла писательницу обратиться к такой тяжелой теме, — желание рассказать об обычных людях, которых безжалостно травмировала война, о людях, которые должны жить вопреки войне: “Я наблюдала людей, которые живут после войны: это огромный нечеловеческий труд — выжить. И мне очень хотелось написать о них” [23].

Имея личный опыт жизни в условиях войны и понимая трудности такой жизни, автор сборника захотел зафиксировать и увековечить подвиг простых людей, которые, не смотря на боль и утраты, нашли силы жить дальше. В произведении сборника “Вместо послесловия” Наринэ Абгарян пишет: “Писать о войне — словно разрушать в себе надежду. Словно смотреть смерти в лицо, стараясь не отводить взгляда. Ведь если отведешь — предашь самого себя. Я старалась, как могла. Не уверена, что у меня получилось. Жизнь справедливее смерти, в том и кроется ее несокрушимая правда. В это нужно обязательно верить, чтобы дальше — жить” [1]. Фраза “дальше жить” стала заглавием книги. В ней можно наблюдать инверсионный порядок слов: наречие предшествует глаголу в неопределенной форме и отсутствует тире. Нарушение привычной последовательности таким образом приковывает, акцентирует внимание читателя на самом важном: акцент и смысловое ударение смещаются на последнее слово “жить”.

Освоение опыта реальных очевидцев — важная составляющая в моделировании объективного знания о прошлом. А желание и умение рассказать о нём свидетельствует о том, что на сегодняшний день в сознании

современников происходит переосмысление значимых моментов переломного прошлого, какими и является события Карабаха для Армении.

Темы Карабахского конфликта, Карабахской войны, политических взаимоотношений Армении и Азербайджана в целом активно обсуждаются в медиа-пространстве, являются предметом дискуссий и споров. Особенно живо в СМИ освещается проблема травмы, трудностей преодоления психологических ран после войны военнослужащими и гражданскими лицам как Армении, так и Азербайджана, проблема нехватки специалистов, занимающихся посттравматическим стрессовым расстройством. Айк Хачикян, армянский психолог, консультировавший ветеранов войны, отмечает: “Вот уже 30 лет мы находимся в состоянии войны, но мы до сих пор не выработали единую систему социально-психологической помощи военнослужащим. Даже те, кто отслужил два года, возвращаются с такими травмами, что уж говорить уже об участниках войны. У них серьезные проблемы с социальной адаптацией, они возвращаются потрясенными, морально раздавленными” [10].

Пограничные районы и на сегодняшний день являются средоточием вооруженных действий, стоит лишь вспомнить эскалацию войны в Карабахе в сентябре 2020 года. Сама писательница активно участвовала в гуманитарной помощи пострадавшим, а спустя год на своей официальной странице в социальной сети Facebook выразила мнение на счёт Второй карабахской войны: “Год назад началась одна из самых страшных войн в истории моего народа. И я не буду писать сейчас наивное и глупое «чтоб больше никогда». Посмотрите, что с нами сделали те, от которых мы этого ждали, и те, от которых мы этого не ожидали. Посмотрите, что с собой сотворили мы. Потому никаких «больше никогда». Война, к сожалению, не закончилась. Запущен новый передел мира, и мы оказались в самом эпицентре этого передела” [2].

Тема последствий войны — основная в сборнике “Дальше жить”. Однако в нём прямо не говорится о какой именно войны идёт речь.

Словосочетания «Карабахская война» в тексте нет. Хотя Н.Ю. Абгарян открыто высказывает свое мнение на её счет за пределами своего творчества — в интервью, теле-, радиопередачах [9, 13, 20, 22, 23, 25, 37]. Таким образом, расширяется исторический контекст повествования и события, словно выводятся во временное пространство.

В сборнике же нет открытой, декларируемой политической оценки событий, описаний вооруженных действий, кровавых сцен, минимально изображены сцены с элементами насилия. Все персонажи сборника — мирные жители, в нём нет ни одного прямого участника конфликта. Н.Ю. Абгарян всячески избегает непосредственного описания войны. Она имплицитно подразумевается, но не изображается как таковая. Рассказывая о реальном событии — конфликте между армянами и азербайджанцами, Наринэ Абгарян деликатно, соблюдая этику и корректно обращается к острым вопросам, тактично выстраивая оппозицию «свой/чужой», оказывающейся разной для людей, ранее вполне ладивших между собой.

Думается, что для Абгарян-писательницы война — проблема не политическая, не локальная, а глобальная, проходящая через всю историю и травмирующая целые народы и поколения. Поэтому те или иные выводы, к которым приходит писательница в процессе поиска ответов на ряд гуманно-этических вопросов, можно экстраполировать на абсолютно все вооруженные военные конфликты и их последствия.

2.2. “Ладонь, испещренная ломаными линиями жизни и смерти”: послевоенный мир в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”

Наринэ Абгарян — русскоязычная писательница армянского происхождения. Она родилась в Армении, в приграничном городке Берд.

Говоря о послевоенном периоде Наринэ Абгарян с ужасом вспоминает большое количество психически нездоровых людей, о поствоенном состоянии жителей городка, среди которых психические расстройства стали

распространённым явлением: “Я помню свой город знаете каким? Одно время было очень много сумасшедших после войны. Они просто ходили по улицам, их потом забрали. И это какая-то совершенно другая жизнь, которая, конечно, тебя никогда не оставит в покое, и этот поствоенный синдром живёт с тобой всегда” [17]. Писательница подчеркивает, что результатом войны является не только травма, но и посттравма. Что собственная травма непосредственных очевидцев накладывается на травму других людей, что усиливает и продлевает её протяжённость во времени. Анормальность ситуации и пережитая боль разрушают психику, и автор акцентирует внимание на том, что таких людей в городе, оказавшемся в эпицентре трагических событий, оказалось много. Их «забрали», но впечатление другой жизни осталось. И в современном городе просвечиваются черты ранее происходившего.

У Наринэ Абгарян есть отдельное произведение рассказ “Берд” — калейдоскоп реальных воспоминаний о родном городке, разложенный календарными листами перед читателем.

Берд не только родина писательницы, но и центральное место, где разворачиваются сюжеты цикла “Манюня”, романов “Понаехавшая”, “Люди, которые всегда со мной”, а также сборника малой прозы “Дальше жить”. В каждом из вышеперечисленных произведений Берд примерял разные облики, представлялся читателю, в большей или меньшей степени, через разные призмы восприятия: ребёнка в “Манюне”, юной провинциальной девушки в “Понаехавшей”, нескольких поколений одной семьи в “Люди, которые всегда со мной”.

Берд в сборнике “Дальше жить” изображен в иной, ежели в предшествующих произведениях, перспективе — “как ладонь, испещренная ломаными линиями жизни и смерти” [15]. Читатель узнает о другой стороне уже известного городка посредством нарративизации историй и воспоминаний тех и о тех, кто пережил Карабахскую войну в 1990-е годы. Этот «послевоенный» мир, сконцентрированный в Берде и в нескольких

других небольших городках (Омарбейли, Мурут), противоположный ранее созданным художественным мирам Наринэ Абгарян. Мир в “Дальше жить”, по словам литературного критика Галины Юзефович, “темный, страшный, лишенным магического покрова. Потому что в этом уютном, безмятежном мире идет война” [36].

Важно отметить, что Берд в восприятии писательницы, не смотря на виденные в юности катастрофы, не тождественный его литературным версиям. Изображая разные его ипостаси, Наринэ Абгарян всё же воспринимает его как любимую родину: “Берд был для меня всегда был убежищем — интимным местом, куда я возвращалась <...>. Это место, где живут мои родители. Спокойнее всего мне там” [23].

2.3. Травма-Время-Память: лингвокультурный дискурс в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”

Реальные события (Карабахская война) происходили в 90-х годах 20 века, когда писательница еще была молодой девушкой. Книга же была написана в 2018 году — спустя много лет. Этот аспект особенно важен, так как со временем человеческие воспоминания трансформируются: события в памяти человека могут контаминироваться, терять фактографизм, додумываться и формироваться в так называемые «ложные воспоминания». Посттравматическое стрессовое состояние накладывает видимый отпечаток и заставляет человека иначе воспринимать жизнь. Воспоминания, связанные со стрессом, страхом, болью, насилием не просто откладываются в памяти, а разрушающе воздействуют на восприятие людьми самих себя и окружающего мира. Поначалу психика человека отталкивает потрясение с целью защититься, растянуть во времени вред и минимизировать нанесённый ущерб, и только потом, спустя время, человек более способен осознать и пережить то, что с ним случилось. Кроме того, спустя определенный период, иногда и не один раз, происходит переосмысление личного и коллективного

прошлого, на что влияют коллективная память, последующий приобретённый личный житейный опыт, различного рода дискурсы (медийный, литературный, социальный, лингвокультурный т.д.).

В 1994 году Наринэ Абгарян переезжает в Москву с решением продолжить свое обучение, ранее получив диплом преподавателя русского языка и литературы в Ереванском государственном лингвистическом университете имени Брюсова. Прожив много лет за пределами Армении, писательница преодолела длинный жизненный путь: от «понаехавшей» девушки (на момент эмиграции юной Наринэ было не более 23 лет) до общепризнанной писательницы. Поэтому можно предположить, что кардинально противоположная послевоенному Берду московская столичная среда определенным образом повлияла на рецепцию травматических событий давних лет. Вот что об этом говорит сама Наринэ: “Удивительное дело: я уехала в Москву от войны. Москва научила меня выживать, Москва научила меня писать, и Москва научила меня писать об Армении. И самое удивительное, что я писать могу только в этом городе. В поездках я не могу ни слова написать” [23]. Этот парадокс можно объяснить тем, что вдали от места сильных эмоциональных воспоминаний, как негативных (например, об обстрелах и разрушенных снарядами домах), так и позитивных (например, о бабушке и детских шалостях, которые так ярко описаны в автобиографическом цикле “Манюня”) легче абстрагироваться от повышено экспрессивно-субъективных оценок и приблизиться к рациональному-объективному переосмыслению трагического исторического прошлого, плавно перетекающего в не менее трагическое настоящее. В случае с Н.Ю. Абгарян истории, которая коснулась как лично её, так и армянский и азербайджанский народы в целом.

Таким образом, при анализе фактов из жизни Наринэ Абгарян был выделен ряд факторов, которые необходимо учитывать при анализе рецепции травмы в сборнике “Дальше жить”. Её особое виденье данной проблемы, обусловленное выше приведенными пунктами, отчётливо прослеживается на

разных структурных уровнях сборника, чему посвящён следующие разделы работы, концентрирующие особое внимание на анализе структурной организации сборника и специфике нарратива.

РАЗДЕЛ 3.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ К КОЛЛЕКТИВНЫМ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ ТРАВМЫ: СТРУКТУРНЫЙ И НАРРАТИВНЫЙ УРОВНИ

Художественное произведение — сложно выстроенная система, которая подразумевает организацию всех её элементов в художественную целостность — структурное целое. Все элементы системы произведения должны быть объединены совокупностью формальных и содержательных свойств, которые, в свою очередь, способствуют реализации поставленных писателем целей и задач, воплощению его замысла. Говорить о том, что текст — цельное художественное произведение, можно на основании наличия конкретного предмета изображения, единых эстетических установок, одной художественно-эстетической реальности — внутреннего мира произведения.

Сборник малой прозы “Дальше жить” — интересное художественное явление в современном литературном дискурсе. Анализ структуры сборника, его формальных и содержательных признаков позволяет поставить вопрос о том, что данное произведение является *циклическим единством, эстетически цельное произведение, близкое к романной структуре.*

Сборник имеет уникальную форму, отображающую индивидуально-авторскую рецепцию относительно недавней трагической истории родных мест писательницы. Особое осознание, изображение и преодоление травмы обнаруживаются на разных уровнях сборника: структурном, нарративом, на уровне проблематики, на уровне системы персонажей, анализу которых посвящен данный раздел.

3.1. Роль жанровой и структурной организации в сборнике

Формально книга состоит из прозаических разножанровых текстов с отдельными заглавиями, а именно: “Вместо предисловия Заназан”,

“Мерелоц”, “Колготки”, “Узелок”, “Багардж”, “Одиночество”, “Жить”, “Пахлава”, “Гулпа”, “Ковер”, “Долина”, “Ожидание”, “Лето”, “Молитва”, “Возвращение”, “Гост”, “Хачкар”, “Гроза”, “Голод”, “Кружева”, “Стадо”, “Прогулка”, “Ботинки”, “Выбор”, “Сердце”, “Молчание”, “Смех”, “Бессмертник”, “Вина”, “Спасение”, “Туманы”, “Вместо послесловия”. По замыслу должно было быть 40 рассказов (определение жанра Н.Ю. Абгарян [Рига]), но по итогу было написано 31, так как, по словам самой писательницы, “писать о войне — это насилие над собой” [20].

Произведения сборника номинируются как малая проза в силу того, что характер соотношения фактографизма (изображения реальных событий и лиц), домысла и вымысла в них разный, потому можно говорить о совокупности художественных текстов и текстов, очень близких к литературе non-fiction. В сборнике есть рассказы, очерки, зарисовки, потому, очевидно, целесообразно в рамках работы говорить о них, как о текстах, не вдаваясь в вопросы генеалогии.

Заглавие каждого текста имеет особую смысловую нагрузку: подчёркивает основную деталь-символ, основную проблему, идею. Приведем несколько примеров. “Мерелоц” (в Армении – день посещения могил) — моральная необходимость чтить предков и тех, кто скоропостижно ушел из жизни, литургия как средство преодоления боли утраты: “...скоро начнется служба по усопшим. Мертвым она, конечно же, без надобности. Живым она нужней”. Это название углубляет восприятие всего текста, связывая воедино все его смыслы, актуализируется связь поколений и неестественность ранних смертей, к которым приводит война.

“Ковер” — связь поколений, родственных связей и памяти о них: “Крнатанц Лусине легла на ковер, накрылась его тяжелым краем. <...> Ковер обнимал так, как обнимала в детстве мама. И как никто больше не обнимал”. Или, например, заглавия “Колготки”, “Узелок”, “Пахлава”, “Кружева”, “Гулпа”, “Ботинки” озаглавлены названиями предметов, которые являются для персонажей данных историй триггерами — вещами, которые вызывают у

человека с посттравматическим стрессовым расстройством внезапное переживание психологической травмы и тяжёлые негативные эмоции. “Одиночество”, “Ожидание”, “Выбор”, “Молчание”, “Вина”, “Спасение” — последствия травматических событий.

Кроме того, каждый текст сопровождается иллюстрацией, выполненных художницей Соней Абгарян, которые расширяют смысловое поле книги.

Каждая история — самостоятельный сюжет, который оформлен в самодостаточный текст. Все тексты разножанровые, так как различаются разнотипностью сюжетных построений, границами и прагматикой вымысла и домысла. Однако все сюжеты сборника взаимосвязаны и представляют собой цепочку историй: в каждом тексте есть персонаж, который станет главным героем следующего.

Внешне каждая история напоминает главу, но, по сути, ею не являясь. Традиционно глава — важный элемент в системе произведения, устранение которого разрушает целостность его структуры. То есть нельзя вычеркнуть главу из текста, при этом не нарушив смысловую целостность текста. Тексты же сборника “Дальше жить” вполне самостоятельные единицы. Конечно, некоторые тексты информационно дополняют друг друга, однако и вне взаимосвязи могут свободно восприниматься читателем. Произведения сборника, при желании, можно читать выборочно в любом порядке. Однако, всё же, для постижения замысла писательницы, следует прочитать их все. Думается, что по своей организации сборник максимально приближен к циклу, поскольку при всей самостоятельности историй они объединены главной темой — жизнь во время и после войны, общностью сюжетных мотивов (например, мотив потерянного счастья, мотив смерти, мотив беды и т.д.), образно-стилевых решений (преобладание ретроспекций, использование минус-приёмов, контраста, деталей-символов, введение лирических отступлений и т.д.). Приближенность к роману сборник делает

тот факт, что все истории сборника происходят в одном художественном мире, то есть принадлежат общей художественно-эстетической реальности.

Литературовед Алия Ленивец отмечает, что история каждого персонажа “вплетена в *общий рисунок — ковер*, который продолжают ткать изумительные руки Антарамнер. Ведь совсем не случайно в оформлении внешнего облика книги использована мастерски выполненная имитация народных орнаментов. Удивительной красоты *полотно, соединившее разные поколения и времена в единое целое*” [15].

Литературный критик Галина Юзефович также подчёркивает важность цепочного построения сборника: “Книга Абгарян собрана из множества коротких рассказов. Один цепляется за другой, подобно звеньям цепочки, второстепенный герой первого рассказа становится протагонистом второго, одно горе тянет за собой другое, и так до бесконечности. Однако зверства, убийства и прочие ужасы войны по большей части милосердно вынесены за рамки романа, а в фокусе оказываются слезы, шрамы, утраты и воспоминания. Из этих множественных трагедий, из *личных и коллективных травм* (в том числе травмы ее собственной семьи) Абгарян плетет погребальный венок, не столько взывая о мести, сколько оплакивая погибших” [36]. Похожее мнение высказывает и исследовательница, литературный обогреватель Анастасия Цылина: “Рассказы сборника сцеплены друг с другом и раскрываются друг в друге, создавая ощущение *единого коллективного переживания*” [33].

Такая организация книги — средство индивидуально-авторской литературной концептуализации травмы. Как говорилось ранее, в гуманитарном дискурсе существуют разные концепции травмы. При анализе структуры (т.е. взаимосвязи формы и содержания) сборника особенно отчётливо проявляются две: психологическая и культурная травма, непосредственно связанные с культурной памятью. Как верно отметила Анастасия Цылина, сборник рассказов Наринэ Абгарян повествует о культурной памяти — “главном капитале народа, его улиточном панцире,

необходимом для выживания, ведь беспамятство ведет к неизбежным повторениям произошедшего” [33].

Война для писательницы — всегда сочетание личной и коллективной травмы. Она не разделяет их, что подтверждает структура произведения: каждый человека индивидуален, но война и, как следствие, травма — проблемы вневременные, общечеловеческие, которые не разделяют, а тонкой нитью объединяю судьбы разных людей на основе коллективного травматического опыта. Поэтому в сборнике так концептуально важны переплетения сюжетных линий и судеб людей. Ведь, как отметила сама писательница, «люди ошибочно считают, что война заканчивается <...>. Нет, это не так, потому что у нее (т.е. войны) очень тяжелый, очень долгий след. Это психотравма не на одно поколение. <...> Я наблюдала за людьми. Как они живут спустя 20 лет после активной войны. Это абсолютно надломленные люди. <...> Война – это часть жизни. Про это тоже необходимо рассказывать» [20].

Именно о войне и травме как образе жизни рассказывается в сборнике. Однако речь идет о войне не как о конфликте и вооружённой борьбе между государствами. Предмет изображения — внутренняя, стихологическая «война», которая происходит внутри каждого травмированного человека (как физически, так и психологически и/или психически). Как было сказано ранее, все герои имеют реальных прототипов – людей, которые на себе ощутили войну. Кроме того, акцентируя на долгом следе войны, автор приводит примеры судеб и тех, кто не был непосредственным очевидцем активных военных действий — представителей последующих поколений. Поэтому все сюжеты изобилуют элементами фактографизма — деталями из жизни и отголосками ощущений реальных людей. Понимание взаимосвязи человеческих судеб и ряда поколений, вынесено в подзаголовок сборника: *“Книга о тех, кто пережил войну. И тех, кто нет”*.

Размышляя о катастрофических последствиях войны, писательница делает акцент как на материальных, так и на нематериальных утратах.

Разрушение материальных ценностей (домов, бытовых вещей) — стрессовая событие и тяжелое утрата для человека. Наринэ Абгарян пишет, что «каждая вещь – память», но для войны все человеческое обесценено. Подтверждением этому тезису становятся эпизоды, где изображаются разрушенные дома и устоявшийся поколениями быт людей.

Традиционно дом — “модель мира, образ родины, выполняющий защитную, сакральную, эстетическую, социальную и ритуальную функцию” [18]. Во многих культурах это символ, который “отражал символическую связь человека с космосом” [21], был воплощение народных коллективных ценностей: семейного благополучия, безопасности и богатства [21]. В сборнике “Дальше жить” традиционный образ дома разрушен. Например, текст “Одиночество”, где главный персонаж обнаруживает мертвую мать в доме своего детства.

Все, что когда-то создавало уют и особую домашнюю атмосферу, оказалось разрушенным и словно очернённым снарядом. Оказалась обесцененной и сама жизнь, символом которой являлась мать (женщина, как традиционный символ продолжения рода, берегиня домашнего очага). Однако примечательно то, что навал из вещей, которые обрушились на женщину, Наринэ Абгарян называет «саркофагом» — сакральным сооружением, защищающим душу умершего от зла, и символ дани перед усопшим. То есть писательница пытается сохранить духовную ценность вещей, пренебрежённых войной.

3.2. Персонажный уровень и художественный конфликт: личные травмы героев малой прозы Наринэ Абгарян

Важно то, что на уровне системы персонажей невозможно выделить главного героя сборника. Как было сказано ранее, все истории в нем равноценные, и поэтому и изображенные люди также все равны. В связи с этим, в данной работе, с целью подчеркнуть важность всех людей, каждое

основное фигурирующие лицо каждой отдельной истории определяется как герои.

Герои Наринэ Абгарян — надломленные личности, которые пытаются склеить воедино разбитые осколки своих душ. С каждым произошли переломные события: Заназан стала вдовой и потеряла ребенка (“Вместо предисловия Заназан”), у Гинаманц Метаксия умер любимый пасынок семнадцати лет (“Мерелоц”), жена Майинанц Цатуру лишилась взрывом ног (“Колготки”), у Заргинанц Атанеса взрослый сын лишился рассудка (“Багардж”), у ребенка Колинанц Цовинар похищена мать (“Ожидание”). Эти и другие события разрушили привычную довоенную жизнь героев, после которых крайне трудно, но сверхважно, было найти смысл жить.

И как раз жить дальше — самое трудное, так как герои непрерывно воюют сами с собой, со своими воспоминаниями, навязчивыми мыслями, страхами и опасениями. Каждый ищет, как осознанно, так и подсознательно, в себе и в окружающем мире пути преодоления приобретённых в стрессовых ситуациях психологических проблем, а в крайних случаях — послетравматических расстройств. Например, Пэл-Анесанц Арменуш окунулась в тяжелую бытовую жизнь и ищет счастье в маленьких вещах (“Лето”), а Сиран нашла выход в отказе от всего, что напоминает счастливое, но разрушенное прошлое (“Гроза”).

Главные герои-антагонисты сборника вовсе не люди, а явления абстрактные и нематериальные — страх, одиночество, война, голод, смерть, перед лицом которых все абсолютно равны. В кульминационные моменты они художественно персонифицируются или материализуются. Например, материализация страха в тексте “Жить”: “Людской страх – мешкотный, неподъемный – одышливо полз по дворам, заполняя собой щели между рядами поленниц, кривенькие дымоходы, чердаки и подполы. Было безвыходно и тоскливо – так, будто враз выключили все, что дарит надежду” [1]. Этот прием подчеркивает, что война и смерть, даже не имея реального материального облика, регулируют жизнь, имея огромную силу воздействия

на все её уровни: на личную жизнь, общественную, национальные, государственную, межкультурную и т.д. Одушевление смерти (тут же): “Смерть ужасна не фактом своего существования, а тем, как, глумясь и наслаждаясь, она уродует человеческое тело — ведет себя, словно тот недостойный противник, который, добившись своего, потешается над трупом поверженного врага” [1].

С другой стороны, думается, что можно говорить о *коллективном герое* — общности людей, травмированных войной. И речь не о какой-то конкретной национальности или этнической группе. Изображая последствия Карабахской войны Наринэ Абгарян рефлексировала не сколько о тяжелой судьбе армянского народа, сколько о большом количестве человеческих жертв в целом. На страницах сборника есть герои — гражданские, представители других национальностей, которые волей судьбы оказались в эпицентре страшного военно-политического конфликта. Это, например, немец Немецанц Алексан (“Голод”), или грузин Нугзар (“Тост”).

Важной составляющей в раскрытии тем войны и травмы является разнообразие призм восприятия и оценки событий самими героями сборника, переданных писательницей в широком диапазоне. Истории рассказаны о людях (и от лица людей) разного возраста, пола, социального статуса. Большинство историй повествуют о людях взрослых, восприятие мира которых характеризуется целостностью, и для которых понятия имеют конкретные границы смыслов — такие, которые общеприняты тем или иным обществом. Поэтому в сборнике отчетливо чувствуется бинарная оппозиция *свой-чужой*, так как именно она является понятийно-смысловым ядром дифференцирующего отделения всех людей на общности (например, народы или нации) на основании объединяющих и разделяющих факторов, таких как территория, язык, культура, менталитет, религия и т.д. Соблюдая этику и корректность преподнесения проблемных вопросов, Наринэ Абгарян признает оппозицию “свой-чужие” как такую, которой не быть просто не может в условиях войны: “Дети войны, навсегда запомнившие основное ее

правило: здесь – родная земля, там – чужая. Между – ничейная, отторгнутая жизнью нейтральная полоса, дорога в которую отрезана всем” [1] (“Долина”). Единственный текст, который предлагает иначе взглянуть на “чужих” (азербайджанцы по отношению к армянам) — “Ожидание”. Главный персонаж этой истории — Колинанц Цовинар, девочка восьми лет. Она, будучи ребёнком, а значит свободной от стереотипов из-за небольшого личного опыта, воспринимает и пропускает события через призму детского восприятия. Не понимание изменений в поведении отца (после исчезновения жены — мамы Колинанц Цовинар, он стал агрессивней, строже, эмоционально-нестабильным), его злости, когда та накормила и освободила пленника — подростка-азербайджанца (“Лицо его – страшное, неузнаваемое – нависло над ней, Цовинар зажмурилась, чтобы не видеть отца таким, каким не хотела его знать”[1]), наивная непоколебимая вера, что мать найдётся доказывают, что именно общественное мнение формирует коллективное представление народа о самом себе и о чужих как о противниках.

“Внутриличностная война” персонажей особенно важна, так как именно она определяет основной тип художественного конфликта. В книге отсутствует внешний конфликт, так как в нем нет противоречий, проявляющихся в столкновении героев, нет конкретных протагонистов и антагонистов в лице живых людей. Вместо внешнего конфликта на первый план выходит внутренний конфликт.

Поскольку травма — явление процессуальное, трудноустраиваемое из жизни личности и коллективов, разрушающее по своей природе, то она и в сборнике приобретает такие характеристики. Проблема травмы остается нерешенной, требующей долгой проработки, поэтому большинство текстов построены по принципу кольцевой композиции или же по принципу минус-приема (в некоторых текстах отсутствует развязка, например, текст “Узелок” — история обрывается, оставив множество вопросов читателю), которые формально подчеркивают трудность преодоления внутреннего конфликта. Например, в тексте “Одиночество” начало и конец произведения

сформулированы почти идентично. Ключевыми являются слова: “Мураданц Андро знает об утреннем Берде то, чего не знают даже птицы, густым своим пением предвещающие наступление нового дня”. В начале теста данные слова звучат как проблемный вопрос: “Что же такого он знает?”, на который хочется найти ответ. Как становится известно потом, лучше всех Мураданц Андро знает, что такое тишина, которая обладает способностью «говорить с нами голосами тех, кто ушел». В конце, когда читателю уже известна судьба персонажа, дублирование почти целого абзаца как бы наталкивает на другой имплицитный вопрос — как герою жить дальше? Персонаж не нашел покоя, четкого ответа нет, и кольцевая композиция текста как бы намекает на неразрешимость внутреннего конфликта.

3.3. Характер нарративизации как способ психологического анализа в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”

В ходе исследования было также выявлено, что в значительной степени характер воспроизведения событий зависит от выбора нарративной стратегии. Общей чертой всех текстов является повествование от третьего лица. Повествователь в тексте растворен — он находится вненаходимости, благодаря чему его образ придает произведению колорит максимальной объективности. Однако наряду с нарративом повествователям существуют голоса персонажей, постоянно проступающих как эхо событий травматического прошлого. Наринэ Абгарян использует цитацию или несобственно-прямую речь, в результате чего создаётся двуплановость высказывания: наружу вырываются «внутренняя речь» героя, его мысли и чувства. Например, текст “Одиночество”, главный персонаж которого сборщик мусора Мураданц Андро потерял мать вследствие бомбардировки: “Господи, да как же может быть, чтобы ты был так безразличен и глух к людской боли!” (цитация реплики героя). “Как простить себе, что ни одна

ниточка души не шевельнулась, когда она его звала. Как простить себе, что не оказался рядом” (несобственно-прямая речь).

Еще один вид повествования, к которому обращается писательница, это сказ. Благодаря ему истории, рассказанные в сборнике, кажутся реалистичными. Сказ интонационно ориентирован на устную речь, а поэтому истории Наринэ Абгарян кажутся не индивидуально-авторским произведениями, а документальными свидетельствами, которые зафиксировали нарративы реальных людей, сопровождающиеся комментарием корреспондента. Яркий тому пример — манера повествования в тексте “Лето”: “Она рассказала ему ровным голосом, что была у отца с матерью, когда случилась беда. Мать сидела на веранде, отец рубил дрова, она убиралась на чердаке. Сначала до нее долетели крики, потом она увидела в чердачное окно, как отца зарубили топором, и как обезноженная мать поднялась с коляски и, зовя мужа, заковыляла по ступенькам вниз, как они настигли ее, ударили обухом по голове и поволокли за волосы к забору, ты ведь помнишь, какие у мамы были косы, они даже к старости не потеряли своей красоты, они волокли ее за эти красивые седые косы к забору, а на земле оставался влажный темный след, и он все не иссякал и не иссякал. Аничка виновато улыбнулась, добавила: а дальше я ничего не помню, совсем ничего. Умолкла. Попыталась надеть туфли, но они не налезали на распухшие ступни. Она отложила их, прижала к груди узелок, с трудом поднялась” [1]. Еще пример повествования, приближенного к живой речи, находим в тексте “Кружева”: “А еще я помню кружева: шелковые, невесомые, словно одуванчиковый пух. . <...> Наверное, не найдется таких слов, которые помогли бы мне передать то состояние глубочайшего горя, которое постигло меня в ту самую минуту, когда я с не свойственной моему возрасту пронизательностью поняла, что красота этих кружев не имеет ко мне никакого отношения! Они словно были теми инейными завитушками на озябшем стекле шушабанда, которыми можно было любоваться, но нельзя было заполучить. Все, что я испытала в ту минуту, — это чувство

безутешного сиротства, которое овладевает каждым, перед кем на короткий миг распахиваются врата в мир волшебства, но лишь затем, чтобы захлопнуться сразу и навсегда” [1].

Все приведенные выше особенности сборника подтверждают, что рецепция травмы Наринэ Абгарян — глубоко отрефлексированная и индивидуально переосмысленная проблема. Создав уникальный художественный текст с особым концептуальным подходом. Писательница создала мир, в котором война и травма — явления многогранные, затратившие все сферы жизни: личные и общественные, психологические и социальные, культурные и межкультурные.

ВЫВОДЫ

“...человеческий дух сильнее испытания...”

Н.Ю. Абгарян “Дальше жить”

Таким образом в данной работе была проанализирована рецепция травмы в сборнике Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

Эстетическая рефлексия проблемы «война и травма» является неотъемлемой частью современного историко-литературный процесса. Литературные тексты являются важными медиумами между прошлым и памятью о нем, каким является и сборник Наринэ Абгарян “Дальше жить”.

В основе сборника рецепция относительно недавней трагической истории родных мест писательницы — Нагорно-Карабахского конфликта 1988-1994 гг. Эти события встали травмогенными для как для двух стран (Армении и Азербайджана), так и для писательницы лично, что, очевидно, обусловило обращение к столь сложному периоду межнациональных отношений. Эти события изменили не только обычное, обыденное течение жизни, но оставили отпечаток на психике, мировосприятии, характере общения многих людей, стали причиной глубокой коллективной и множественной личностной травм. Обращение к столь болезненной и редко проговариваемой в современном гуманитарном дискурсе, зачастую замалчиваемой всеми сторонами конфликта, теме, мотивировано необходимостью артикулировать собственную боль, боль семьи, родных, знакомых, и тем самым сделать шаг к исцелению.

В ходе исследования были обозначены основные характеристики двух основательных студий, изучающих травму — Trauma Studies и Memory Studies, главные положения которых были учтены во время исследования индивидуальной-авторской рецепции травмы Наринэ Юрьевны Абгарян.

В современном междисциплинарном дискурсе травма и её влияния тесно связана с исследованием памяти. В контексте анализа рецепции травмы

Н.Ю. Абгарян этот факт является концептуально важным, поскольку все истории сборника имеют фактическую основу, а потому, можно полагать, став объектом индивидуально-авторской рецепции и пройдя через долголетнюю рефлексии писательницы, голоса жертв реальной войны и тех, кто является их потомками, приобрели новую силу.

В ходе анализа было выявлено, что в сборнике был воплощен индивидуально-авторский литературный концепт травмы. Травма проявляется на всех уровнях сборника: структурном, нарративном, на уровне проблематики, на уровне системы персонажей. В первую очередь речь о двух основных видах травмы — личной (психологической) и коллективной. Война для писательницы — всегда сочетание личного и коллективного, а потому малая проза в сборнике представлена в виде цепочки разножанровых, но при этом взаимосвязанных текстов. Для Наринэ Абгарян война и, как следствие, травма — проблемы вневременные, общечеловеческие, которые не разделяют, а тонкой нитью объединяют судьбы разных людей на основе коллективного (часто травматического) опыта. Поэтому в работе было предложено наименовывать сборник как циклическое единство, эстетически цельное произведение, близкое к романной структуре.

Нарративизация реального опыта людей, пропущенного к тому через призму личного, стала причиной того, что книга находит отклик среди большого круга читателей. Не имея цели поучать, Наринэ Абгарян изображает послевоенную жизнь такой, какой она есть — опустошённой и одинокой. Одиночество и опустошение чувствовала и сама писательница. После издания сборника она зареклась писать о войне.

Автор признается, что написать о войне было требованием её души. Н.Ю. Абгарян руководствовалась желанием показать миру, что травма — это процесс, который не дает невозможности человеку до конца восстановиться и стать прежним, что она распространяется на многие поколения вперед, и что в целом является кризисным явлением в жизни народа. Выговорившись на страницах сборника, похудев в процессе создания более чем на десять

килограмм, она так и не почувствовала личного освобождения от проблемы, но выполнила определенную миссию по отношению к родному армянскому народу: “Я бы не сказала, что после этой книжки настало какое-то облегчение, но осознание того, что я какой-то груз оставила позади, у меня есть” [23].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абгарян Н. Дальше жить. Москва: АСТ, 2018. 256 с. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=72084 (дата обращения: 16.05.21).
2. Абгарян Н. Официальная страничка в социальной сети Facebook. URL: <https://www.facebook.com/abgaryannarine> (дата обращения: 16.05.21).
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика/ перевод с немецкого Бориса Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. URL: <https://e-libra.su/read/373241-dlinnaya-ten-proshlogo-memorial-naya-kul-tura-i%02istoricheskaya-politika.html> (дата обращения: 12.07.21).
4. Ассман А. Простори спогаду: форми та трансформації культурної пам'яті/ пер. з нім. К. Дмитренко, Л. Доронічева, О. Юдін. Київ: Ніка-Центр, 2012. 440 с. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Aleida_Assmann/Prostory_spohadu.pdf (дата обращения: 11.06.21).
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 5 – 40.
7. Василенко В. Збираючи уламки досвіду: теоретична (ре)концептуалізація травми. *Слово і Час*. 2018. № 11. С. 109-122. URL: <https://il-journal.com/index.php/journal/article/view/212> (дата обращения: 12.09.21).
8. Довганич Н. Пам'ять, трама, і література: способи репрезентації та інтерпретації. *Українське літературознавство*. 2020. № 85. URL: <http://publications.lnu.edu.ua/collections/index.php/ukrliterary/article/view/3128> (дата обращения: 16.08.21).
9. Живое Общение (29.10.2020) Встреча с Наринэ Абгарян URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UA6eo7pkqrU> (дата обращения: 06.08.21).

10. Казарян К., Исаев Г. Армяне и азербайджанцы залечивают психологические раны после войны. URL: <https://russian.eurasianet.org> (дата обращения: 09.08.21).
11. Киридон А. Студії пам'яті в Україні: основні тенденції становлення. *Україна-Європа-Світ : міжнародний збірник наукових праць*. Серія : історія, міжнародні відносини. 2014. Вип. 14. С. 265-273. URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILEA=&2_S21STR=Ues_2014_14_27 (дата обращения: 16.05.21).
12. Кісь О. Колективна пам'ять та історична травма: теоретичні рефлексії на тлі жіночих спогадів про Голодомор. *У пошуках власного голосу : усна історія як теорія, метод та джерело* : зб. наук. ст. / за ред. Г. Г. Грінченко, Н. Ханенко-Фрізен. Харків : ТОРГСІН ПЛЮС, 2010. С. 171-191. URL: <https://uamoderna.com/md/216-216> (дата обращения: 16.05.21).
13. Клуб Путешествий Михаила Кожухова (20.05.2018) Наринэ Абгарян о своем родном городе, творчестве и личных моментах счастья URL: https://www.youtube.com/watch?v=vADa9IUUNNJ0&list=PLZQD5hrr-SklTed8omD-30f_rcfuABFGU (дата обращения: 16.05.21).
14. Козлов Н. Психическая травма. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihicheskaya-travma> (дата обращения: 16.05.21).
15. Ленивец А. Вкус кислых незрелых яблок URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7041> (дата обращения: 16.05.21).
16. Липовецкий М. Паралогии : трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. Москва : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

17. Лысенко Е. Интернет-мемы : коммуникативная память в интернет-сообществах. *75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета* : материалы конф. в 3 ч. Минск, 14–23 мая 2018 г. / Белорус. гос. ун-т, Гл. упр. науки ; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. Ч. 2. С. 548-551. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/216616> (дата обращения: 16.05.21).
18. Махлина С. Дом в пространстве русской народной художественной культуры. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2015. Вып. 4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-v-prostranstve-russkoj-narodnoj-hudozhestvennoj-kultury> (дата обращения: 16.10.21).
18. Нора П. Всемирное торжество памяти. 2002. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 18.08.21).
20. Polaris Lv (23.05.2019) Наринэ Абгарян в книжном магазине Polaris г. Рига (Латвия) [встреча и живое общение с писательницей Наринэ Абгарян] // 20 мая 2019 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hiQQp9x_f_E (дата обращения: 11.05.21).
21. Плотникова А. и др. Славянская мифология : энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. Москва : Эллис Лак, 1995. 416 с URL: <https://www.litmir.me/br/?b=556825&p=1> (дата обращения: 21.07.21).
22. ПРАВМИР (26.06.2018). Наринэ Абгарян : Если ты услышал звук выстрела, значит, ты жив [интервью с писательницей Наринэ Абгарян] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7Y5ftsNSe5U&t=2145s> (дата обращения: 16.05.21).
23. Радио «Эхо Москвы (11.09.2020) [подкаст радиоинтервью «Книжная кухня». Книга «Дальше жить» с Наринэ Абгарян в прямом эфире]. URL:

- <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2707455-echo/> (дата обращения: 21.09.21).
24. Рождественская Е. Словами и телом : травма, нарратив, биография. *Травма: Пункты: сб. статей* / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 108-133.
25. RTVI Развлечения (11.01. 2020) Наринэ Абгарян: «Писательский труд стал моим спасением». *Час Speak* [интервью с писательницей Наринэ Абгарян]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tuOmQ84X1ck> (дата обращения: 16.05.21).
26. Словарь терминов МЧС. Москва, 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/2283/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F> (дата обращения:).
27. Современная энциклопедия. 2000 URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-210-5.htm#zag-11138> (дата обращения: 16.09.21).
28. Стендаль Ф. Красное и черное : роман. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=10775 (дата обращения: 16.05.21).
29. Теория литературы : антология / Джули Ривкин, Майкл Райан. Алматы: Ұлттық аударма бюросы, 2017. Том II. 1640 с. URL: https://openu.kz/storage/lessons/2094/teoriya-literatury-antologiya-_10_lecture.pdf (дата обращения: 26.04.21).
30. Ушакин С. Травма: Пункты: сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. 903 с. URL: <http://maxima-library.org/knigi/year/b/409677> (дата обращения: 26.04.21).
31. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Москва : Фолио, 2010. 286 с. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=2100> (дата обращения: 16.06.21).

32. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*. 2005. № 23. С. 8-27. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 25.05.21).
33. Цылина А. Работа скорби. 2018. URL: <https://prochtenie.org/reviews/29285> (дата обращения: 06.05.21).
34. Штомпка П. Социология социальных изменений/ пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. Москва : Аспект Пресс, 1996. 416 с. URL: https://pidru4niki.com/14990312/sotsiologiya/teoriya_sotsialnyh_izmeneniy_shtompki (дата обращения: 25.09.21).
35. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе : литература и теория. Москва : Высшая школа, 2005. 367 с.
36. Юзефович Г. Новая русская проза : романы об Армении и Сибири, рассказы о насилии. URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/27/novaya-russkaya-proza-romany-ob-armenii-i-sibiri-rasskazy-o-nasilii> (дата обращения: 23.06.21).
37. Юзефович (18.10.2021). Наринэ Абгарян о счастливом детстве в Армении, войне и экранизации «Манюни» [интервью с писательницей Наринэ Абгарян]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UoxtACSXBj4&t=1405s> (дата обращения: 16.07.21).
38. Bartov O. *Mirrors of Destruction : War, Genocide, and Modern Identity*. New York; Oxford : Oxford University Press, 2000. 302 p.
39. Caruth C. *Unclaimed experience: trauma, narrative, and history*. *The Johns Hopkins University Press*, 1996. № 79. PP. 181-192.
40. Hirsch M. *Surviving images: Holocaust photographs and the work of postmemory*. *Visual culture and the Holocaust*. 2001. P. 215–247.
41. Misztal B. A. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead; Philadelphia Open University Press, 2003. 168 p.
42. Mitchell J. *Mad Men and Medusa: reclaiming hysteria and the effect of sibling relations on the human condition*. London : Penguin Books, 2000. 400 p.

43. Winter J., Sivan E. Setting the framework. Winter J. (Ed.) *War and Remembrance in the Twentieth Century*. Cambridge Univ. Press, 1999. P. 6 – 39.

**Декларація
академічної доброчесності
здобувача ступеня вищої освіти ЗНУ**

Я, *Васильченко Вікторія Олексіївна*, студентка магістратури, форми навчання заочної, факультету філологічного спеціальності 035 "Філологія" спеціалізації 035.034 "Слов'янські мови та літератури (переклад включно), перша – російська" освітньої програми "Російська мова і зарубіжна література. Друга мова", адреса електронної пошти *diquixote@gmail.com*,

- підтверджую, що написана мною кваліфікаційна робота на тему «*Рецепція травми у збірці малої прози Наріне Абгарян "Дальше жить"*» відповідає вимогам академічної доброчесності та не містить порушень, що визначені у ст. 42 Закону України «Про освіту», зі змістом яких ознайомлений/ознайомлена;
- заявляю, що надана мною для перевірки електронна версія роботи є ідентичною її друкованій версії;
- згоден/згодна на перевірку моєї роботи на відповідність критеріям академічної доброчесності у будь-який спосіб, у тому числі за допомогою інтернет-системи а також на архівування моєї роботи в базі даних цієї системи.

Дата _____ Підпис _____ ПІБ (студент) _____

Дата _____ Підпис _____ ПІБ (науковий керівник) _____